

УДК 94(470)''19'':[316.75:347.5]

ББК 63.3(2)535-7

Б 39

С.В. Безверхова,

аспирант кафедры отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, г. Армавир, тел.: +79288457005, e-mail: bezverkhova_84@mail.ru

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗАКОННОСТЬ»

(Рецензирована)

Аннотация. Проблема раскрытия социокультурного содержания революционной законности актуальна в плане расширения представлений о ментальных особенностях российского общества, о содержательной стороне и причинах серьезных социальных потрясений и культурных трансформаций начала XX в. в России. Предметом исследования выступает отношение общества к законности как части его ментальной характеристики. Объект изучения – исторический процесс эволюции идеи законности в отечественной культуре на рубеже XIX–XX вв. Цель исследования состоит в рассмотрении законности и отношения к ней как результатов интеллектуальной коллективной деятельности общества.

Исторический процесс понимается как рост социальной рефлексии, способствующий обществу «делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводственной деятельности» (А.С. Ахиезер). В основе авторского сравнительного историко-культурного анализа лежит структурный принцип классификации фиксируемых в исторических документах и событиях моделей отношения к законности.

Основным вкладом автора в исследование темы является представление, что социокультурным содержанием революционной законности в начале XX в. выступает социорефлексивное понимание законности, раскрывающее ментальные черты российского (в перспективе – советского) общества. Коренные изменения отношения к законности обуславливаются интенсификацией межкультурной интеграции и инертным разрешением конструктивной напряженности инверсионным способом, приведшим в 1917-1921 гг. к косе инверсии.

Ключевые слова: исторический процесс, законность, менталитет, конструктивная напряженность, медиация, Русская правда, революционная законность, совместничество.

S.V. Bezverkhova,

PhD student of the Department of Russian History, Armavir State Pedagogical University, Armavir, ph.: +79288457005, e-mail: bezverkhova_84@mail.ru

THE PROBLEM OF REVOLUTIONARY LEGALITE IN THE CONTEX OF DEFINING THE SOCIO-CULTURAL CONTENT OF THE CONCEPT OF «LEGALITE»

Abstract. The problem of revealing the sociocultural content of revolutionary legality is relevant in terms of expanding ideas about the mental features of Russian society, about the content side and the causes of serious social upheavals and cultural transformations of the early XX century. in Russia. The subject of the study is the

attitude of society towards legality as part of its mental characteristics. The object of study is the historical process of evolution of the idea of legality in Russian culture at the turn of the XIX – XX centuries. The purpose of the study is to consider the rule of law and its relation to it as the results of the intellectual collective activity of society.

The historical process is understood as the growth of social reflection, which contributes to society “making its history, of itself the subject of its reproductive activity” (A.S. Akhiezer). The author’s comparative historical and cultural analysis is based on the structural principle of classification of models of attitude to legality recorded in historical documents and events.

The main contribution of the author to the study of the topic is the idea that the sociocultural content of revolutionary legality in the early XX century. advocates a socio-reflective understanding of the rule of law, revealing the mental features of Russian (in the future, Soviet) society. Fundamental changes in attitudes towards legality are caused by the intensification of intercultural integration and the inert resolution of structural tension in an inversion way, which led in 1917–1921. to the braid of inversion.

Keywords: historical process, legality, mentality, constructive tension, inversion, mediation, Russian truth, revolutionary legality, Russianness, cooperation.

Законность как исторический феномен следует понимать, прежде всего, как отношение к закону обычного человека, выражающееся в исторической событийности. Она выступает как важная характеристика ментальности, позволяющая восстановить причинно-следственную логику исторического процесса.

Проблема раскрытия социокультурного содержания революционной законности в России актуальна в плане расширения представлений о ментальных особенностях российского общества.

Понимая исторический процесс как рост социальной рефлексии, способствующий обществу «делать свою историю, самого себя предметом своей воспроизводительной деятельности» [1; 51], А.С. Ахиезер указывает в качестве естественной цели социального субъекта преодоление социальной энтропии (дезорганизации). Культура в данном контексте приобретает функцию программы успешного социального взаимодействия. Она хранит в социальных практиках технологии производства успешной деятельности, что позволяет интерпретировать историческую событийность как содержательный культурный текст [2]. Положения теории А.С. Ахиезера не противоречат информационно-интеграционному

принципу периодизации истории В.Б. Виноградова [3]. Концепция А.С. Ахиезера согласуется с принципом развития интеграционных связей, естественного расширения ойкумены этносов и развития их культур в совместничестве [4].

В теории и истории права принято различать нормы обычного и законодательно регламентированного права, что позволяет осуществить анализ эволюции правовых отношений. Сложность исследуемого периода (рубеж и первые десятилетия XX в.) заключается в том, что многие законы этого времени на деле не соблюдались. Трансформировалось и обычное право народов России. Поэтому видится целесообразным рассматривать как исторические феномены идеологические и культурные модели отношения к законности, в соотношении которых можно дать характеристику социокультурного содержания революционной законности Советской России. Разделение идеологических и культурных моделей отношения к законности носит условный, методологический характер, позволяя типологизировать отдельные ментальные черты российского общества. В основе авторского сравнительного историко-культурного анализа лежит структурный принцип классификации

фиксируемых в исторических документах и событиях моделей отношения к законности. Две из них (*государственно-монархическая* и *либеральная* - С.Б.) в начале XX в. представляли собой устойчивые идеологические конструкты, отражавшие настроения части общества, что однозначно позволяет установить их историческую социальную субъектность. Но в исторической событийности проявляются и две отличительные от первых модели, фиксирование исторической социальной субъектности которых составляет проблему. Они в начале XX в. были идеологически неустойчивы, хотя позже, в советской историографии, однозначно связывались с ростом революционного самосознания масс.

Революционная законность – правовой феномен исключительного, чрезвычайного характера, появление которого связывается с якобинской диктатурой [5]. В советской теории и истории права авторство концепта приписывается М. Робеспьеру, а ее российское преломление – В.И. Ленину [6; 3–40]. М.Л. Тривус, комментируя меры усиленной и чрезвычайной охраны общественного порядка в России (конец XIX в.), указывал, что «наука государственного права советует обращаться к этим мерам лишь в случаях крайней необходимости и при том на возможно кратчайший срок, так как они служат тормозом развития страны и причиняют тяжелые испытания гражданам» [7; 508]. Десять лет спустя Н.И. Иващенко пишет, что «к 1 августа 1906 г. из 87 губерний и областей России 40 состояло на военном положении, 27 – на положении чрезвычайной охраны и 15 – на положении усиленной охраны» [8; 803], констатируя, что большая часть страны живет в условиях постоянного усиления репрессий. Само по себе широкое распространение исключительного законодательства и злоупотребления им дискредитировало законность

как механизм управления, что вызывало беспокойство монаршего Комитета министров. Был поручен пересмотр исключительных законов особому совещанию под руководством А.П. Игнатьева, а с 1906 г. образована межведомственная комиссия под председательством А.А. Макарова. Но принимаемые правительством меры не решали проблему внутренней безопасности, ужесточая военно-полицейский режим [8].

Приведенные примеры отражают три модели отношения к законности начала XX в.: государственно-монархическую (Комитета министров), либеральную (авторов «Энциклопедии») и «*третью*» (субъектность не определена), связанную со злоупотреблениями чрезвычайными мерами. Субъекты и монархической, и либеральной модели противопоставлены третьей модели.

Народовольческая казнь Александра II свидетельствует и о четвертой радикальной модели отношения к законности, нарушающей монополию государства на применение силы. Н.И. Биюшкина, анализируя логику развития чрезвычайного законодательства в XIX в., «убедительно доказывает преемственность, органичность, детальную проработанность и объективную необходимость» чрезвычайных мер обеспечения общественного порядка, рассеивая мнение о реакционной спонтанности Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» в ответ на убийство Александра II [9].

А.С. Ахиезер анализирует древнерусский идеал социальной справедливости, заданный борьбой правды с кривдою и их абсолютизацией [1; 76–78], связывает начало русской истории с устойчивым понятием Мира от локальной общности, сюда, до всего народа, человечества и Вселенной [1; 82] (т. е. со временем формирования представлений о субъектности социальности) и

с развитием вечевой формы принятия социально значимых решений [1; 85–90]. Монологичность и иерархия вечевого управления трансформируются со временем в концепт Царства (мира под Царем), во многом благодаря приданому Софьи Палеолог, бабушке Ивана Грозного. В этом мире Царь (помазанник божий) дарит милость (волю, закон), а мир (рабы) дарят свою жизнь, подчиняясь. Идентичность *неконвенциональных* отношений дара (Ю.М. Лотман [10; 372]) в вечевом концепте Мира и государственно-монархической модели отношения к законности основана на общем понятии абсолютной Правды, которое можно считать наиболее архаичным идеалом социальной справедливости. Этот идеал условно назовем Русской правдой. Он лежит в основании традиционной культурной модели отношения к законности, составляющей глубинную сущность российской картины мира, особой ментальности (*российскости*, в традиции научно-исторической школы В.Б. Виноградова).

Инверсионность неконвенциональной Русской правды можно противопоставить медиационному договорному римскому праву, служившему механизмом управления провинциями. Римское право лежит в основе либерального нравственного идеала социальной справедливости. Реализация либерального идеала требует особого положения центра социального управления, выполнения им функции медиатора. Такое положение занимал римский суд в колониальных провинциях. В становлении Московии эту роль играла Православная церковь. Основанная на либеральном нравственном идеале социальной справедливости идеологическая модель отношения к законности в системе Русской правды, ментальной *российскости*, занимает оппозиционное положение к Абсолюту и играет роль идентификации Иного: *другого, дорогого, друга*, если Иной признает Русскую правду, и *врага, ворога, ворона*

(*оборотня*), если оказывается на стороне кривды. Идеологическая либеральная модель имеет инокультурные по отношению к *российскости* основания.

Третья (субъектно не определенная) идеологическая модель отношения к законности близка соборно-либеральному идеалу [1; 257–271], который включал в себя договорные отношения метрополии с самоуправляемой периферией в условиях Мира (главенства соборной Русской правды над условиями договора). Этот идеал наиболее последовательно реализовывался монархией в отношениях с казачеством и провинциальной аристократией. Подобным же образом складывались и международные связи России. Имперский размах российской государственности обуславливал необходимость договорных отношений и медиационные функции метрополии. Именно эта модель права как отвечающая условиям социального воспроизводства, медиационного развития государственности была третьей могущественной силой, обусловившей злоупотребления мерами чрезвычайного характера, наделявшими сословную элиту полномочиями действовать мощью силового госаппарата в своих интересах. Однако если с метрополией аристократия находилась в договоре, то на вверенных ей территориях предпочитала произвол. Идейная особенность этой модели в системе Русской правды – *оборотничество*, непостоянство. С одной стороны, Правда понимается как высшая абсолютная ценность, с другой – на договорной основе утверждаются временные ограничения Правды, гарантирующие отдельные преимущества.

Таким образом, накануне Первой мировой войны в Российской Империи сочетались, по меньшей мере, четыре идеологические модели отношения к законности. В рамках одной остальные оценивались как заблуждения или даже преступные позиции. В основании

трех из них лежала традиционная инверсионная культурная модель Русской правды. Либеральная модель отождествлялась с инородным культурным образованием. Соборно-либеральная – несмотря на сходство с *оборотничеством*, ложью и двуличием, оставалась самой массовой. Для реализации конструктивной напряженности накануне Первой мировой войны в обществе был избран внешний медиатор, образ «обиженных и оскорбленных» православных собратьев. Россия консолидировалась в едином патриотическом порыве против внешнего врага (кривды) традиционным для себя способом, выступив в защиту Мира в архаичном вечевом миропонимании.

Дискредитация государственно-монархической идеологической модели отношения к законности и свержение монархии как ее опоры в одночасье не могли привести к восстановлению правопорядка в условиях противоречивого понимания порядка российским обществом. О том, что сильны оставались ожидания восстановления сильного патерналистского государства в феврале 1917 г., способного привести к победе над внешним врагом, ярко свидетельствует объяснение населению Кубанской области войсковым атаманом М.П. Бабычем целесообразности смены правительства стремлением России к победе в войне с Германией [11]. О том же говорит установка «войны до победного конца» пришедших к власти приверженцев либеральной модели. Однако если, захватывая власть, либералы 27 февраля возлагали вину за внутреннюю разруху на прежнее правительство, «вынужденно» беря «в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» [12; 4], то 10 марта в постановлении о ликвидации Департамента полиции [13; 27] они российскому обществу, в лице органов самоуправления (которых ввиду военного положения просто не было на местах), предоставляли право самостоятельно заботиться

о своей безопасности. Противоречие либеральной модели отношения к законности Временного правительства заключалось в том, что, с одной стороны, провозглашались либеральные правовые нормы (без учета способности населения им следовать), а с другой – политическая элита по-прежнему оставалась в плену государственно-монархической идеи безусловного исполнения верховного закона обществом. Несмотря на то, что, занимая пост министра юстиции во Временном правительстве, А.Ф. Керенский строчил один закон либеральнее другого, реализовывая собственную программу революционной законности, исполнять эти законы было некому. В относительно политически благополучных регионах (каким была, например, Кубанская область) восторжествовало военно-сословное самоуправление, руководствовавшееся собственными нормами революционной законности, порой крайне дискриминационными по отношению к невоинскому населению [14; 50–51].

В.И. Ленин по-своему объяснял позитивный характер неминуемой гражданской войны и уничтожения российской государственности [15; 1–120]. Многократно ссылаясь на работы Ф. Энгельса и К. Маркса, на опыт Парижской коммуны, он видел революционную законность в условиях диктатуры пролетариата как высшее и последнее проявление законности, которая отомрет вместе с отмирающими остатками государства, подразумевающего подавление при помощи органов правоохраны меньшинством большинства. Позицию большевиков в отношении к законности нельзя считать последовательной. В апреле 1917 г. В.И. Лениным декларируется принцип «Вся власть – советам!» и вооружается население, законность отрицается как рудимент. С появлением первых большевистских узаконений, как отражено в труде О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского, звучат уже строго противоположные

требования: «законность должна быть повышена (или строжайше соблюдается), ибо основы законов РСФСР установлены» (1918), «...малейший беспорядок, малейшее нарушение законов Советской власти, малейшая невнимательность или нерадение служат немедленно к усилению помещиков и капиталистов, к их победам», «чтобы до конца уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми» (1919). Далее в труде советских правоведов следует сентенция с отсылками к собранию сочинений: «В.И. Ленин требовал, чтобы суды карали «малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики». Он указывал на необходимость воспитывать «широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности» [16; 281–282], - свидетельствующая об осмыслении в советской теории права ленинского понимания функции революционной законности.

На Одиннадцатой всероссийской конференции РКП(б) (19–22 декабря 1921 г.) была принята резолюция «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства» [17; 588–594], в которой одной из задач обозначено «водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности» [17; 593]. В первом номере официального печатного органа Наркомюста полностью публикуется 17-й пункт резолюции «по вопросу о революционной законности... по докладу т. Каменева» [18; 14]. На последовавшем в этом же месяце Четвертом Всероссийском Съезде деятелей советской юстиции (январь 1922 г.) из уст председателя ВЦИК М.И. Калинина последовала установка: «Поэтому сейчас не пустой звук, когда говорят о революционной законности. Это не пустой звук; очевидно, органам народной

юстиции придется действительно в этой области проделать огромную работу. В чем должна быть эта огромная работа? Это – заставить население уважать законы» [19; 327]. «Реализация большевистской альтернативы государственно-политического развития России предполагала разработку соответствующей правовой доктрины», – полагает И.В. Абдурахманова, соглашаясь с А.М. Евстратовым, что ее необходимость теоретически начинает осмысливаться в 1920 гг., а принципы, на которых происходит теоретизация, представляют собой отражение массовой правовой культуры [20; 20].

В начале 1921 г. Ю.М. Стекловым на страницах «Известий ВЦИК» была инициирована дискуссия «о революционной законности в условиях «новой экономической политики» с критикой «революционного правосознания», форм его реализации в период революции и гражданской войны, «милитаризованного правосудия», «разрушительной революционной самодеятельности» и самоуправления в области реализации правосудия» [21; 25]. Дискуссия предполагала реабилитацию в советском государстве принципа главенства закона под руководством РКП(б) и послужила основанием для введения в официальный оборот в докладе главы Моссовета Л.Б. Каменева концепта «революционная законность». Е.В. Мишина соглашается с В.Б. Романовской в том, что «праву была отведена чисто служебная и временная роль». К примеру, Н.А. Черлунчакевич, во-первых, констатирует необходимость «скорейшего водворения» революционной законности как некоего нового и несостоявшегося социально-правового проекта, во-вторых, – видит его состоятельность только в искусственных условиях, при которых мог бы возникнуть на него спрос населения, чем констатирует отсутствие в России того времени законности как механизма социального регулирования [18; 3-4].

Т.е. говорить о революционной законности как о некоторой доктрине государственной власти на момент ее официального провозглашения нельзя. Поэтому прав М.И. Калинин, когда обрисовывает этапы становления революционной законности: «...в первые моменты революции решающим фактором права, разумеется, являлась прямая, непосредственная вооруженная сила», «следующая стадия – это чрезвычайные органы...», «последней стадией являются органы юстиции» [19; 325]. М.И. Калинин признает далее, что законность не имела в годы революции и гражданской войны «должного значения», но в 1922 г. «она имеет для нас огромное значение» [19; 327], чем свидетельствует о коренной трансформации экстремистской модели отношения к законности, субъектом которой были наиболее радикальные революционные силы, о смене ее вектора на противоположный: от *тотема* к *антитотему*. Через *оборотничество* субъект экстремистской модели отношения к законности инверсионным способом утверждает соборно-либеральную модель, для которой *оборотничество* является одной из определяющих характеристик. Конечно же, в рамках одной статьи поставить окончательную точку в таком проблемном вопросе сложно. Но можно указать на два весомых аргумента.

Во-первых, обротничество как инвариант манихейства, по мысли А.С. Ахиезера, «стало идеальной системой представлений, противостоящих государственности, всякому усложнению социальных отношений...» [1; 74], поскольку является наиболее архаичной формой рефлексии социального субъекта, складывающейся ещё в догосударственный исторический период. Т.е. возведение отношения к законности социального субъекта на догосударственный уровень приводит к разрушению государственности. Тут уж всё равно, как именуют себя политические силы, исповедующие

революционную законность (оборотничество), социал-демократами, консерваторами или как-то иначе. Они даже не обязательно должны быть революционными, чтобы пагубно влиять на усложнение социальных связей. Отличительной чертой их политических программ является популизм и волюнтаризм, следование установкам массового человека, толпы. Какими бы благими намерениями не оправдывались подобные политические программы, они не нацелены на обеспечение заявленных целей, но следствием попытки их реализации всегда будет упрощение системы социальных связей, вплоть до разрушения государственности.

Во-вторых, обротничество, манихейство или революционная законность, тут уж всё равно, как назвать состояние диалектического мышления общества, отрицающего ценность медиации конструктивной напряженности в направлении усложнения социальных связей для достижения совместничества, является не только причиной кризиса государственности, но и следствием несостоятельности управляющего центра в плане трансляции на периферию общей системы ценностей. Коса инверсии относится именно к таким нежелательным состояниям, характеризует кризис эволюционного усложнения социальных отношений.

Таким образом, социокультурным содержанием революционной законности является социорефлексивное понимание законности на базе ментальных черт российского общества. Изменения отношения общества к законности обусловлены интенсификацией межкультурной интеграции и инертным разрешением конструктивной напряженности инверсионным способом, приведшим в 1917–1921 гг. к косе инверсии. На фоне роста массового самосознания в условиях усиления интеграционных процессов в обществе управляющий центр не смог предложить

ничего более конструктивного, чем война, т.е. консолидация общества царским правительством вокруг военных целей стало инверсионным ответом на необходимость усложнения социальных отношений.

Примечания:

1. Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.

2. Горлова И.И., Бакуменко Г.В., Коваленко Т.В. История как культурный текст: к вопросу о методе интерпретации символов успеха в культуре // Право и практика. 2017. № 1. С. 183-188.

3. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории: метод. материал // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1995. № 5. С. 126-135.

4. Великая Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. 2007. № 45. С. 88-101.

5. Собоуль А. Первая Республика 1792-1804 / пер. с фр. А.О. Зеленина, Д.Л. Каравкина. Москва: Прогресс, 1974. 393 с.

6. Робеспьер М. Революционная законность и правосудие: статьи и речи / пер. с фр. Н.С. Лапшина. Москва: Гос. изд-во юрид. литературы, 1959. 275 с.

7. Тривус М.Л. Охрана // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1897. Т. 22А. С. 508-509.

8. Иващенко Н.И. Усиленная и чрезвычайная охрана // Энциклопедический словарь. Дополнительный том II / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1907. С. 802-803.

9. Биюшкина Н.И. Источники Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5. С. 288-293.

10. Лотман Ю.М. Семиосфера / ред. Н.Г. Николаюк, Т.А. Шпак. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

11. Кубанские ведомости. 1917. № 52. 7 марта.

12. Отъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы. 27 Февраля 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 / Отделение Свода Законов Гос. канцелярии. Петроград: Государственная типография, 1917. 555 с.

13. Объ упраздненіи Департамента полиціи и обучрежденіи временнаго управленія по дблам общественной полиціи: пост. От 10 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля – 5 мая 1917 / Отделение Свода Законов Гос. канцелярии. Петроград: Государственная типография, 1917. 555 с.

14. Безверхова С.В. Предпосылки становления советской правоохранительной системы на Кубани // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 5. С. 47-53.

15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 33. 434 с.

16. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Москва: Госюриздат, 1961. 381 с.

17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1953. Ч. 1. 952 с.

18. Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1. 16 с.

19. Калинин М.И. Избранные произведения: в 4 т. / Ин-т марксизма-ленинизма ЦК КПСС. Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1960. Т. 1. 784 с.

20. Абдурахманова И.В. Рефлексия «революционной законности» в массовом правосознании 1917-1921 гг. // Философия права. 2008. № 3. С. 20–25.

21. Мишина Е.В. К вопросу о генезисе и эволюции системы революционной (социалистической) законности // Великая российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: материалы междунар. науч. конф., Витебск, 27 февраля – 3 марта 2017 г. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2017. С. 93-96.

References:

1. Akhiezer A.S. Sociocultural dynamics of Russia. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1997. 804 pp.
2. Gorlova I.I., Bakumenko G.V., Kovalenko T.V. History as a cultural text: on the problem of the method of interpretation of symbols of success in culture // Law and Practice. 2017. No 1. P. 183–188.
3. Vinogradov V.B., Dudarev S.L., Narozhny E.I. The main stages of world history: methodological material // East. Afro-Asian societies: history and modernity. 1995. No. 5. P. 126-135.
4. Velikaya N.N. Russianness as a paradigm for the study of the Russian-Caucasian unity // Actual and debatable problems of the history of the North Caucasus. South Russia Review. 2007. No. 45. P. 88–101.
5. Sobul A. The First Republic 1792-1804 / transl. from French by A.O. Zelenin, D.L. Karavkin. M.: Progress. 1974. 393 pp.
6. Robespierre M. Revolutionary legality and justice: articles and speeches / transl. from French by N.S. Lapshin. M.: State Publishing House of the Law literature, 1959. 275 pp.
7. Trivus M.L. Security // Encyclopedic Dictionary / F.A. Brockhaus, I.A. Efron. St. Petersburg, 1897. Vol. 22 A. P. 508–509.
8. Ivashchenko N.I. Strengthened and emergency security // Encyclopedic Dictionary: Supplementary Volume II / F.A. Brockhaus, I.A. Efron. St. Petersburg, 1907. P. 802–803.
9. Biyushkina N.I. Sources of the Regulation “On measures to protect public order and public peace” of August 14, 1881 // Bulletin of Nizhny Novgorod University of N.I. Lobachevsky. 2010. No. 5 (1). P. 288–293.
10. Lotman Yu.M. Semiosphere / ed. by N.G. Nikolayuk, T.A. Shpak. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 pp.
11. Kuban statements. 1917. No. 52. March 7.
12. From the Executive Committee of the State Duma. February 27, 1917 // Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government. Iss. 1: February 27 – May 5, 1917 / Branch of the Code of Laws of the State Chancery. Petrograd: State Printing House, 1917. 555 pp.
13. On the abolition of the Police Department and the establishment of the temporary department for for public police affairs. Fast. March 10, 1917 // Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government. Iss. 1: February 27 – May 5, 1917 / Branch of the Code of Laws of the State Chancery. Petrograd: State Printing House, 1917. 555 pp.
14. Bezverkhova S.V. Prerequisites for the formation of the Soviet law enforcement system in the Kuban area // Historical and socio-educational thought. 2017. No. 5. P. 47-53.
15. Lenin V.I. Complete Works / Institute of Marxism-Leninism of the Central Committee of the CPSU. 5th ed. Vol. 33. M.: Publishing House of Political Literature, 1969. 434 pp.
16. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Problems of the theory of law. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 381 pp.
17. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee / Institute of Marx-Engels-Lenin-Stalin under the Central

Committee of the CPSU. 7th ed. Part 1. M.: State Publishing House of Political Literature, 1953. 952 pp.

18. Weekly of the Soviet Justice. 1922. No. 1. 16 pp.

19. Kalinin M.I. Selected works: in 4 vol. / Institute of Marxism-Leninism of the Central Committee of the CPSU. Vol. 1. M.: State Publishing House of Political Literature, 1960. 784 pp.

20. Abdurakhmanova I.V. Reflection of “revolutionary legality” in the mass legal consciousness of 1917–1921 // Philosophy of law. 2008. No. 3. P. 20–25.

21. Mishina E.V. On the Genesis and Evolution of the System of Revolutionary (Socialist) Legality // The Great Russian Revolution of 1917 in the History and Fates of the Peoples and Regions of Russia, Belarus, Europe and the World in the Context of the Historical Realities of the 20th – early 21st centuries: proceedings of the international scient. conf. (Vitebsk, February 27 – March 3, 2017). Vitebsk: Vitebsk State University of P.M. Masherov, 2017. P. 93–96.